Е. А. Костина
(аспирант кафедры индийской филологии СПбГУ)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В САНСКРИТЕ

Система времен и наклонений санскрита сложна как с точки зрения формообразования, так и по семантике форм. Особый интерес представляет исследование функционирования граммем, имеющих близкое значение, например прошедшего времени.

1. ТЕРМИНОЛОГИЯ

Общим термином для обозначения прошедшего времени глагола является термин «претерит», (лат. «миновавший»), под которым подразумевается глагольная форма, описывающая ситуацию, которая имела место до момента речи и никак не связана с планом настоящего, выражающая грамматическое значение нерезультативного прошедшего времени, не осложненное никакими дополнительными противопоставлениями. В отличие от настоящего времени, частные значения которого либо не имеют формальных показателей, либо выражаются при помощи граммем аспекта, прошедшее время в различных языках имеет достаточно разветвленную структуру.

В индоевропейском языке существовала трехчленная аспектуальная оппозиция по характеру протекания действия; противопоставлялись действия дуративные (длительные), точечные и перфектные (завершенные). Собственно временные формы появились позднее, и системы, которые они образуют в различных языках, заметно отличаются друг от друга. В древнегреческом языке возникают прошедшее время длительного вида (имперфект), точечное прошедшее (аорист) и перфект (состояние и действие, вызвавшее состояние). В то же время для латинского языка более важным оказалось противопоставление глагольных форм по относительному времени (таксису), т. е. указание на одновременность, предшествование или следование двух ситуаций. Значения относительного времени в латыни выражаются совместно со значениями абсолютного времени (настоящее, прошедшее и будущее) и вида (длительный и ограниченный вид). Так, формы имперфекта выражают одно-

временность и длительность в прошлом, с помощью перфекта описываются ограниченные (однократные) действия в прошлом, для передачи значения предшествования используется плюсквамперфект (см.: Лингвистический энциклопедический словарь, с. 186–189, 253).

В общем языкознании принято ориентироваться именно на древнегреческие значения терминов «имперфект», «перфект» и «аорист». Под **имперфектом** принято понимать глагольную форму, выражающую «прошедшее действие или состояние, рассматриваемое в процессе протекания или повторения без указания на момент завершения или прекращения» (Лингвистический энциклопедический словарь, с. 174). Имперфект употребляется для описания обычных для прошлого ситуаций, фоновых действий и противопоставлен перфекту и аористу благодаря способности передавать аспектуальное значение длительности. **Аорист** имеет значение точечного, недлительного совершенного прошедшего. **Перфект** представляет собой более сложное явление. Выделяют две его разновидности: *статальный* перфект, обозначающий состояние в настоящем как результат предшествовавшего действия и *акциональный* перфект, обозначающий событие или действие прошлого, актуальное для настоящего и рассматривающееся с точки зрения настоящего, вне связи с фактами прошлого.

Исследуя системы времен в различных индоевропейских языках, исследователи пришли к выводу о неоднородности происхождения трех прошедших времен. Считается, что перфект изначально не был глагольным образованием и служил для обозначения состояния, а войдя в глагольную парадигму, стал представлять собой ретроспективную разновидность настоящего времени (см.: Есперсен, с. 314). После этого значение перфекта продолжало постепенно трансформироваться от статальности к акциональности: на первом этапе его формы начинают обозначать действие, в результате которого наступило состояние, («носит», следовательно, «надел»), а в дальнейшем — употребляться наряду с имперфектом и аористом для обозначения прошедшего времени вне зависимости от контекста. При этом за формами перфекта отдельных глаголов может сохраняться значение настоящего времени (таковы, например, перфектно-презентные глаголы германских языков). Во французском языке старые перфектные формы приобрели значение античного аориста, то есть прошедшего времени плана исторического повествования (passé defini). В то же время для передачи перфектного значения во многих языках со временем начинают употребляться аналитические формы: сочетание причастий с глаголом-связкой «быть» или «иметь»: ср. англ. have done, нем. habe gemacht, bin gestorben, санскр. kr̥to ‘smi, mr̥to ‘smi.

В отличие от перфекта, аорист и имперфект соотносятся с прошедшим временем изначально. Исследователи полагают, что в индоевропейском праязыке существовало лишь одно прошедшее время, которое противопоставлялось настоящему и могло образовываться от различных основ. При этом аорист, выражавший точечное действие, противопоставлялся презенсу, выражавшему действие длительное. В связи с этим в некоторых языках (например, в греческом), претерит, образованный от основы презенса, приобрел аспектуальную окраску дуративности. О. Есперсен отмечает, что латинский, романский и греческий имперфект передает замедленное действие, его употребление характерно при подробном описании условий, сопровождавших протекание действия, а также в случае передачи обычных действий, происходивших на протяжении определенного промежутка времени в прошлом, множественности событий, в то время как аорист «продвигает повествование вперед», при его употреблении «говорящий отвлекается от несущественного, от обстоятельств, при

которых происходило действие, ⟨...⟩ и то, что в действительности было рядом последовательных действий, уплотняется в одно действие» (Есперсен, с. 322).

2. СИСТЕМА ВРЕМЕН И НАКЛОНЕНИЙ САНСКРИТСКОГО ГЛАГОЛА

Для передачи временных и модальных отношений в санскрите использовалось множество синтетических и аналитических глагольных форм. В соответствии со способом формообразования времена и наклонения распадаются на четыре системы: система презенса (настоящего времени), система аориста, система перфекта и система будущего времени. Распределение времен и наклонений по этим системам удобно представить в виде таблицы:

	Тип основы	Окончания	Аугмент
Настоящее время	Основа презенса	Первичные	−
Имперфект		Вторичные	+
Оптатив		Вторичные	−
Императив		Первичные (с исключениями)	−
Будущее время	Основа футурума	Первичные	−
Кондиционалис		Вторичные	+
Аорист/инъюнктив	Основа аориста	Вторичные	+/−
Прекатив		Вторичные	−
Перфект	Основа перфекта	Перфектные	−

Начиная с эпического периода, широкое распространение получило также предикативное употребление причастий. Причастия могут образовывать аналитические конструкции в сочетании с глаголом-связкой «as» или «bhū» — «быть» или выступать в функции предиката без связки. Временны́е значения передают пассивные причастия совершенного вида на -ta/-na, активные причастия совершенного вида и перфектные причастия. Причастия несовершенного вида в предикативной функции не выступают. Значение будущего времени, а чаще различные модальные значения могут передаваться пассивными причастиями долженствования (будущего времени).

Как видно из приведенной таблицы, в санскрите существовали все три упомянутые выше граммемы прошедшего времени. Однако семантика санскритских имперфекта, перфекта и аориста принципиально отличается от тех значений, которые закрепились за этими терминами в общем языкознании.

3. ПОДХОД К ОПИСАНИЮ СИСТЕМЫ ВРЕМЕН И НАКЛОНЕНИЙ В ОСНОВНЫХ ТРУДАХ ПО ГРАММАТИКЕ САНСКРИТА

3.1. «Восьмикнижие» Панини

Наиболее авторитетным грамматическим трудом древней Индии является «Восьмикнижие» Панини, созданное, по наиболее распространенному мнению, в период с VII до II в. до н. э. Труд Панини состоит из восьми глав, или «книг», каждая из которых делится на разделы, а разделы делятся на отдельные правила (всего около 4000). Каждое правило дано в виде определенного мнемонического приема, облегчающего его запоминание.

Первые главы «Восьмикнижия» посвящены фонетическому строю санскрита, определению набора фонем и их дифференциальных признаков, возможным соче-

таниям фонем, варьированию и способам формирования и различения морфем. Переходя к морфологии, Панини выделяет два типа морфем: корни и аффиксы. Все корни (dhatu) считаются глагольными, присоединяя к ним аффиксы разного порядка можно получить как различные глагольные формы, так и имена. При этом аффиксы, наблюдаемые в реальном языке, заменены в «Восьмикнижии» специальными терминами. Не являются исключением и аффиксы «lakāra», служащие для образования форм различных времен и наклонений (л-суффиксы).

Название «lakāra» в метаязыке Панини носят совокупности преобразований, которые происходят с корнем при образовании форм времен и наклонений:

1) laṭ — настоящее время
2) laṅ — имперфект
3) liṭ — перфект
4) luṅ — аорист
5) lṛṭ — простое будущее
6) luṭ — описательное будущее
7) loṭ — императив
8) liṅ — оптатив
9) liṅ ašiṣi — прекатив/бенедиктив
10) lṛṅ — кондиционалис
11) leṭ — субъюнктив[1]

Объяснить появление термина «lakāra» и названий, входящих в эту группу конкретных л-суффиксов, пытались многие исследователи. Было замечено, что общим для всех суффиксов является звук «l». Одна из версий возводит этот звук к слову «kāla» — «время» (см.: Gune, p. 8). Однозначно трактуются конечные звуки — «ṭ» и «ṅ», символизирующие оппозицию первичные/вторичные окончания соответственно. В рамках каждой из двух групп lakāra различаются гласными звуками. В соответствии с некоторыми трактовками каждую из групп следует рассматривать по отдельности, не пытаясь найти общие черты для lakāra, имеющих в названии одинаковый гласный.

Если расположить lakāra с первичными окончаниями в порядке следования различающих их гласных в алфавите, то можно заметить следующее: первым (чистым) гласным соответствуют времена: laṭ — настоящее время, liṭ — прошедшее, luṭ — будущее описательное, lṛṭ — будущее простое. Дифтонгами обозначены наклонения: leṭ — субъюнктив и loṭ — императив. Формы субъюнктива уникальны тем, что принимают как первичные, так и вторичные окончания. Тем не менее Панини ставит субъюнктив перед императивом, который имеет хоть и первичные, но видоизмененные окончания.

В группе lakāra со вторичными окончаниями распределение суффиксов носит несколько иной характер; здесь времена и наклонения чередуются: laṅ, liṅ, luṅ, lṛṭ. Некоторые общие черты можно обнаружить только в двух парах lakāra, имеющих одинаковый гласный — laṭ и laṅ присоединяются к одной и той же основе, а lṛṭ и lṛṅ имеют одинаковый суффикс «sya».

Способы выражения различных временных отношений и модальности Панини излагает в третьей книге своего труда (3.2.84–3.4.10). Метод Панини заключается в выделении категориальных ситуаций и предложении способов выражения того или иного значения. Так, сутры 3.2.84–3.2.122 посвящены прошедшему време-

[1] Форма, характерная для ведийского языка; в классическом санскрите не встречается.

ни (bhūte) — «в прошлом», то есть при описании минувших событий; 3.2.123–125 описывают настоящее время (vatramāne); 3.3.3–3.3.6, 3.3.13–3.3.15–3.3.135–3.3.138 — различные способы выражения будущего времени (bhavīṣyate). В правилах 3.3.142–3.3.154 даются указания относительно различных аспектов модальности. Благодаря такому подходу Панини описывает не только функционирование синтетических форм, но и другие способы выражения темпоральности и модальности, такие как причастия, отглагольные существительные, наречия времени и образа действия.

Даже отмечая некоторый отход от правил, изложенных в «Восьмикнижии», грамматики, составленные в Индии после труда Панини, продолжали в первую очередь комментировать именно на эти правила, расширяя и поясняя их, тогда как со временем они стали практически неприменимыми не только к разговорному языку, но и к литературным произведениям. Эта особенность — несоответствие между правилами и употреблением — была отмечена европейскими исследователями санскрита, описывавшими функционирование тех или иных форм не только с точки зрения классических грамматик, но и ориентируясь на реалии языка, представленные в текстах разных периодов.

3.2. Времена и наклонения санскритского глагола в трудах исследователей XIX–XX вв.

В первых европейских исследованиях, посвященных грамматике санскрита и, в частности, затрагивающих вопрос о выражении в этом языке временных отношений и модальности, наблюдались две, отчасти противоречивые тенденции.

С одной стороны, следует указать на то, что исследование грамматики санскрита западноевропейскими учеными началось, главным образом, в свете индоевропейского языкознания. В 1816 г. было опубликовано исследование Фр. Боппа «О системе спряжения санскрита в сравнении со спряжением греческого, латинского, персидского и германского языков»[2], где грамматические показатели санскрита были сопоставлены с аналогичными показателями греческого, латинского, иранских и германских языков, исходя из предположения об их общем происхождении.

В работах Боппа и других исследователей при описании санскритской системы времен и наклонений суффиксам lakāra Панини были поставлены в соответствие граммемы этих категорий, выявленные на материале латинского и греческого языков. Сопоставление проводилось, прежде всего, на основе сходства в формообразовании, а не в соответствии со значениями этих форм, что вызвало некоторые затруднения при дальнейшей их классификации и интерпретации. Так, например, первые исследователи включали в число санскритских наклонений инфинитив. Но в наибольшей степени неустойчивость и неоднозначность терминологии отразилась на трактовке и выявлении дифференциальных признаков для форм, служащих в санскрите для передачи прошедшего времени — имперфекта (laṅ), перфекта (liṭ) и аориста (luṅ). Так, Уилкинс (Wilkins, p. 126–128), Йейтс (Yates, p. 96–101) и некоторые другие полагают, что аорист в санскрите служит для обозначения действия, совершившегося в некий момент времени между прошедшим и настоящим, при том что точное время события не имеет значения или неизвестно, а имперфект — для отражения событий недавнего прошлого. Такая трактовка не только противоречит

[2] *Bopp Fr.* Uber das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache. Frankfurt a. M., 1816.

указаниям Панини относительно употребления этих форм, но и не находит подтверждения в текстах.

С другой стороны, в первых европейских грамматиках санскрита значительное внимание уделялось толкованию правил, изложенных в «Восьмикнижии» и, в первую очередь, принципов формообразования времен и наклонений: были составлены таблицы соответствий между терминами метаязыка Панини и аффиксами, которые они обозначают, что имело большое значение для последующих исследований. Однако на раннем этапе описание семантики грамматических форм также проводилось преимущественно в соответствии с правилами, изложенными в «Восьмикнижии» и последующих комментариях, без учета изменений и особенностей, характерных для памятников санскритской литературы, принадлежащих к разным периодам.

Одним из первых описание реалий санскрита именно на основе произведений древнеиндийской литературы, а не правил Панини, создал Ф. Килхорн. Несмотря на то, что им были подробно исследованы труды древнеиндийских грамматистов (Kielhorn 2), в «Грамматике санскрита» он указывает на систематические несоответствия изложенным в них правилам, наблюдаемые в более поздних текстах, например на тенденцию к исчезновению оппозиции между различными способами выражения прошедшего и будущего времен, к замене синтетических форм аналитическими (см.: Kielhorn 1, p. 134).

С тех же позиций проводил исследование грамматики санскрита У. Д. Уитни. В его работе подробно описаны способы образования глагольных форм, проведено сопоставление функционирования времен и наклонений в текстах Вед, брахман и эпоса. Однако Уитни относится с некоторым «пренебрежением» к классическим и средневековым санскритским текстам, полагая, что выбор одной из нескольких форм с близким значением в этих произведениях продиктован, в первую очередь, правилами метрики (для поэтических текстов) или личными предпочтениями автора.

В то же время, как показали такие исследования, как «Синтаксис санскрита» Я. С. Шпейера, эти тексты представляют значительный интерес. Шпейер не только отмечает новые по сравнению с «Восьмикнижием», брахманами и эпосом тенденции, но и указывает на то, что некоторые правила, считавшиеся для позднего санскрита нерелевантными, продолжают соблюдаться в таких произведениях, как «Дашакумарачарита», «Катхасаритсагара», «Панчатантра» и др.

Особый интерес представляет работа индийского исследователя В. Ш. Апте «Синтаксис санскрита. Руководство для изучающих»[3]. «Руководство» написано по принципам, характерным для европейских, а не индийских грамматик санскрита. Автор подробно анализирует употребление существующих в санскрите форм времен и наклонений, приводя примеры как из комментариев к труду Панини («Махабхашья» Патанджали, «Сиддханта Каумуди» Бхатоджи Дикшита и др.), так и из эпоса, более поздней авторской поэзии и драматических произведений. Как следует из названия этой работы, Апте ставил перед собой задачу не только ознакомить читателя с основами грамматики и синтаксиса санскрита для последующего прочтения текстов, но и помочь ему овладеть навыками построения правильных санскритских конструкций. Это привело к тому, что в его «Руководстве» отчасти «возрождается» традиционный для индийских грамматик подход «от смыс-

[3] *Apte V. S.* A Student's guide to Sanskrit composition. Poona, 1898.

ла к форме». Так, охарактеризовав в уроке XVII систему времен и наклонений, в уроке XVIII Апте делает «дополнительные замечания», указывая на то, как на санскрите можно передать значения предшествования или длительности действия, какие именно формы соответствуют различным модальным глаголам английского языка.

Применение такого подхода возможно и при анализе текста, и оно крайне необходимо при исследовании произведений, относящихся к тому периоду, когда для писавших на санскрите поэтов этот язык не был родным, используемым в повседневном бытовом общении.

4. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГРАММЕМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Переходя к семантике форм прошедшего времени, следует упомянуть, что при ее описании удобно исходить из принципа наличия прошедших времен двух планов: плана повествования и плана речи. Эту особенность отмечал еще Панини, но в современное языкознание этот принцип вошел благодаря трудам Э. Бенвениста.

Для описания событий *исторического прошлого* в классическом санскрите используются следующие формы:

1. Синтетические — имперфект, перфект и аорист, а также формы настоящего времени в сочетании с усилительной частицей «sma».

2. Аналитические — сочетание причастия совершенного вида на «-ta» с глаголом-связкой «bhū» — «быть» в форме одного из прошедших времен — «abhavat», «babhūva» или «abhūt».

3. В предикативной функции также может употребляться активное причастие совершенного вида на «-tavant» без связки.

Семантические различия между этими формами претерпели некоторые изменения в процессе развития языка.

На стадии *ведийского языка*, как отмечает Т. Я. Елизаренкова, аорист, имперфект и перфект сохраняли во многом базовые значения, характерные для древних индоевропейских языков в целом, в том числе противопоставлялись друг другу по аспектуальным оттенкам.

Формы аориста в ведийском языке используются для описания только что завершившегося действия прошлого, которое сохраняется в настоящем в своих последствиях. Выраженные аористом действия носят точечный характер, эти же формы употребляются при констатации фактов.

В имперфекте в Ведах ведется повествование об отдаленном прошлом, о мифических событиях; эта форма выражает действие нейтрального или несовершенного вида. Перфект передает видовое значение состояния, как вневременного (он знает), так и возникшего в результате завершения действия. Как и аорист, перфект может использоваться для констатации факта, но более отдаленного по времени от момента речи, чем действие, выражаемое аористом. Еще один семантический оттенок ведийского перфекта — повествование о наиболее важных мифологических событиях прошлого на фоне обычных действий (имперфект) (См.: Елизаренкова 1, с. 286–287).

В «Восьмикнижии» Панини нашел отражение следующий этап процесса изменения значений граммем прошедшего времени: указанные в этом труде правила

полностью соблюдаются только в текстах брахман. Проведя анализ более поздних произведений, современные исследователи санскрита сделали следующие замечания относительно случаев употребления каждой из существующих в санскрите синтетических форм прошедшего времени.

Имперфект трактуется как обычное время повествования, без каких-либо дополнительных характеристик (См.: Whitney, p. 278; Apte, p. 142). Он не имеет видовых ограничений и может обозначать процесс, однократные или повторяющиеся действия:

te ca tam*abruvan* — «А они ему сказали» — однократное действие
so *'tapyata* tapo ghoram varṣāṇāmayutam tadā- «Бесчисленные годы совершал он суровое подвижничество» (Махабхарата, 3.185.5) — процесс.

Панини ограничивает сферу употребления форм имперфекта событиями, происшедшими за пределами того дня, в который произносится высказывание:

3.2.111 anadyatāne laṅ- «Для описания того, что произошло *не сегодня*, употребляется л-суффикс laṅ», к основе презенса присоединяются вторичные окончания. Впоследствии грамматисты комментировали термин, adyatāna «сегодня» следующим образом:

— день, половина (треть) предыдущей и половина (треть) последующей ночи
— от восхода до заката (Gune, p. 68).

Перфект. В отличие от языка вед, в классическом санскрите основным значением перфекта не является передача состояния или выделение в повествовании более важных событий. Основное правило, характеризующее употребление перфекта, зафиксировано в сутре Панини 3.2.115 parokṣe liṭ — «Для описания того, что произошло *не на глазах у говорящего*, употребляется л-суффикс liṭ», первичные окончания используются для обозначения событий прошлого. Термин parokṣa, «за пределами видения», толкуется весьма широко, им обозначаются как события далекого прошлого, так и то, что происходило недавно, но в другом месте.

Уитни полагает, что требование «parokṣe» не выполняется в памятниках древней литературы (Whitney, p. 296). Однако Г. Кардона находит многочисленные опровержения этому утверждению в текстах брахман. В рассказе о Шунахшепе (Айтарея брахмана 7.13–18) перфект употреблен во всех предложениях плана повествования, в то время как в речи героев он отсутствует. В рассказе о Ману и рыбе (Шатапатха брахмана, 1.8.1, 1–10) также все повествование выдержано в формах перфекта, за исключением слов созданной Ману после потопа женщины-жертвы Илы — «ya eva mām*ajījanata* tsyaivāhamasmi . . . » — «Кто меня породил (удвоительный аорист), тому я и принадлежу» (дословно «*того я и есмь»). Это же справедливо и по отношению к эпическим текстам. Например, в содержащейся в первой книге Махабхараты истории о Мандапале (1.220.1–129), повествующий об этих событиях Вайшампаяна (шлоки 1–5, 10–16, 28–43, 66–70, 88–91, 93–106, 110–114, 125, 129) использует преимущественно перфект (около 20 форм в предложениях, соотносимых с планом истории, при этом помимо перфекта аорист употреблен один раз, имперфект — два раза, причастия совершенного вида — семь раз). В том же случае, когда говорящий (Мандапала, его жена и дети) рассказывает о том, что произошло с ним самим, перфект не употребляется. Шпейер указывает на соблюдение этой же тенденции даже в классических текстах (Дашакумарачарита, Катхасаритсагара) (См.: Speijer, p. 248).

В этой связи возникает вопрос о возможности употребления форм первого лица

перфекта. Патанджали отмечает, что, описывая свои действия формой перфекта, говорящий указывает на то, что в то время он был невменяем, а значит, не мог быть «свидетелем» происходившего:

> «bahu *jagada* parastattasya mattā kilāham» — «В опьянении, я, должно быть, нес перед ним всякую чепуху» (См.: Cardona; Speijer, p. 251).

Особого внимания заслуживает употребление перфектов «aha» и «veda» — они сохраняют старое значение перфекта — состояние — и соотносятся с настоящим временем: «говорит», «знает», а не «говорил/сказал», «знал». Шпейер ссылается еще на ряд глаголов в подобном употреблении — «ajagāma», «пришел, т. е. находится здесь»; «īše», «правит»; «jagāra», «проснулся, т. е. бодрствует» (Speijer, p. 250–251).

С точки зрения семантики *описательный* перфект ничем не отличается от удвоительного: в соответствии с правилом 3.1.40 и комментариями Бхатоджи Дикшита (Siddhanta Kaumudi 2239–2240), от некоторых глаголов формы перфекта образуются не посредством удвоения корня, а путем прибавления суффикса «ām» и использования вспомогательного глагола «kṛ» в необходимой личной форме. Удвоительные и описательные формы находятся в отношениях дополнительной дистрибуции и все утверждения относительно употребления одного из видов перфекта справедливы и по отношению к другому.

Неоднократно поднимался вопрос о том, в каких ситуациях имперфект и перфект взаимозаменяемы, и какая из форм употребляется в комбинированных случаях (происшедшее не в день речи и не на глазах говорящего), являющихся наиболее типичными для повествования.

Панини отмечает, что при наличии частицы «ha» — «ведь», «как раз», «конечно», или если действие характеризуется как постоянное, повторяющееся, при любых обстоятельствах следует употреблять имперфект (3.2.116). Однако из этого не следует, что сфера употребления имперфекта для описания событий, не наблюдавшихся говорящим, ограничивается этими случаями. По словам Шпейера, «Имперфект всегда и везде используется для обозначения фактов прошлого, как тех, что произошли на глазах у говорящего, так и тех, свидетелем которых он не был» (Speijer, p. 249). Имперфект, таким образом, является более «общим» временем по сравнению с перфектом.

Аорист. Для Панини аорист — «универсальное» прошедшее время, единственная синтетическая форма, которая может быть употреблена в плане речи. Наиболее последовательно такое употребление проявляется в языке брахман. В эпоху Вед противопоставление аориста имперфекту и перфекту не столь заметно, а в классическом языке оно уже практически стирается, и аорист используется как обычное повествовательное прошедшее время (См.: Whitney, p. 329–330). Даже у Панини сфера использования аориста не ограничивается непосредственно близким прошлым. В сочетании с наречием «purā» — «раньше», «в прежние времена» и в отсутствие частицы «sma» эти формы могут соотноситься с отдаленным прошлым (3.2.122). Хотя Шпейер и приводит примеры использования аориста для передачи актуального прошлого («actual past») не только из брахман, но и из более поздней литературы (Махабхарата, Дашакумарачарита, Панчатантра и др.) (См.: Speijer, p. 252–253), к моменту создания «25 рассказов» его употребление у многих авторов уже ограничивалось несколькими «формулами», такими как «abhūt» — «был», «avādīt» — «сказал», «agamat» — «пошел».

Среди форм, используемых в повествовании, исследователи также отмечают «*по-*

вествовательное настоящее», которое применяется во многих языках как прием, служащий для более яркой репрезентации событий.

Такое употребление (особенно глагола «brū» — «говорить») наиболее характерно для языка обрамленных повестей «Панчатантра» и «Хитопадеша»:

gardabho *brute* šṛṇu re barbara — «Осел говорит (сказал): «Послушай-ка ты, брехливый!» (Хитопадеша, 2.3).

Особого внимания заслуживает употребление форм *презенса с частицей «sma»* — «laṭ sme» (3.2.118). В большинстве случаев в классическом санскрите это сочетание совпадает по значению с формами имперфекта, и сутра Панини 3.3.135 не позволяет использовать его для передачи недавнего прошлого. Но если имперфект может, наряду с перфектом, обозначать действия, свидетелем которых говорящий не был, для «laṭ sme» Панини формулирует правило «aparokṣe» (3.2.119), ограничивая употребление этой формы наблюдавшимися событиями. Благодаря тому, что в санскрите только настоящее время способно передавать аспектуальное значение имперфективности, в брахманах формы настоящего времени с частицей «sma» служили исключительно для передачи длительного действия в прошлом, но в классическом санскрите ими в равной степени обозначаются и однократные действия:

«na tāstam *šaknuvanti sma* vyahartumapi kimcana» — «И не могут (не могли) они произнести ему в ответ ни единого слова» (Nala 3; 18).

Одна из особенностей употребления презенса с частицей «sma» заключается в том, что даже в поздних текстах эта форма сохраняет эмфатический характер, и предложения с такой конструкцией никогда не следуют одно за другим.

Обобщая сказанное выше, можно отметить, что если Панини и выделяет некоторые отличительные черты каждой из синтетических форм, служащих для передачи значения исторического прошедшего времени, по мнению большинства исследователей в поздних текстах эти особенности перестали быть релевантными, и выбор форм был в большой степени произвольным.

Помимо синтетических форм значение исторического прошедшего может передаваться рядом причастных конструкций, в первую очередь, с причастиями совершенного вида. Некоторые особенности предикативного употребления причастий совершенного вида были отмечены еще Панини.

Согласно сутре 3.4.70, в большинстве своем страдательные причастия совершенного вида на — ta/-na используются в пассивных конструкциях и характеризуют «karman» — объект, пациенс:

«*bhukta* odano bhavatā» — «Рис съеден господином (Вами)»
«*āruDho* vṛkṣo bhavatā» — «Господин залез на дерево» (дословно, *«Дерево залезено господином»).

Однако, образуясь от непереходных глаголов, они могут также принимать форму винительного (второго) падежа и обозначать «bhāva», «состояние, неперсонифицированное действие»:

«āsitam bhavatā» — «Вы сели» (дословно, *«Господином сето»).

Как видно из приведенных примеров, в обоих случаях субъект действия оформляется инструментальным (третьим) падежом.

Причастия, образованные от непереходных глаголов (особенно глаголов движе-

ния) могут помимо прочего использоваться как предикат в активной конструкции (3.4.72). Проиллюстрировать данное правило можно следующим примером:

devadattena grāmo *gataH* — «Девадатта ушел в деревню», буквально *«Деревня уйдена Девадаттой» (пассивная конструкция)
gatam devadattena — «Девадатта ушел», буквально *«Девадаттой уйдено» (состояние)
gataH devadattaH grāmam — «Девадатта ушел в деревню», буквально *«Девадатта уйден в деревню» (активная конструкция).

В «Восьмикнижии» практически ничего не говорится об употреблении причастных форм в сочетании с глаголом-связкой. В то же время в эпических текстах подобных сочетаний уже достаточно много, их количество возрастает по мере развития санскрита, и в конечном итоге именно подобные аналитические образования стали основным способом оформления предиката в новоиндийских языках.

Для эпического санскрита С. Л. Левина отмечает два основных значения причастий совершенного вида:

— общее прошедшее время (однократное завершенное действие)

— перфект (действие, завершившееся к моменту речи и продолжающееся в своих результатах): «upāgato ‘smi» — «я пришел (и нахожусь здесь)» (См.: Левина, с. 24).

Формально в эпосе это противопоставление реализуется только для причастий, образованных от непереходных глаголов; в этом случае наличие связки придает действию характер перфекта, ее отсутствие — характер общего прошедшего. С причастиями, образованными от переходных глаголов, в эпических текстах связка не употребляется, и значение перфект/общее прошедшее определяется контекстом.

Это же правило распространяется на активные причастия совершенного вида, например:

«*dṛśṭavān*asmi puruṣam» — «Я видел мужчину» (I have seen the man), ср. «sattvaśīlastatra *praviṣṭavān*» — «Саттвашила вошел туда» (Kathasaritsagara, 7; 51).

В классическом санскрите сочетание активное причастие + связка практически исчезает, и такие причастия начинают выражать исключительно повествовательное прошедшее, как формы имперфекта и перфекта. В то же время, пассивные причастия, даже в отсутствие связки в форме презенса продолжают передавать значение актуального прошедшего, которое становится для них базовым (см. далее).

Связка может стоять и в форме прошедшего времени, в этом случае причастная конструкция выражает прошедшее плана истории, соотнося действие с каким-либо моментом прошлого. Для эпического санскрита отмечается оппозиция причастие + перфект (praviṣṭo babhūva) — «вошел» — завершенность действия/причастие + имперфект или аорист (sthīto ‘bhavat, sthito ‘bhūt) — «стоял» — продолжительность действия, но позднее это противопоставление снимается.

4.1. Прошедшее время плана речи

Обозначив в сутре 3.2.84 тему своих дальнейших рассуждений как «bhūte» — «<при описании происшедшего>в прошлом», в дальнейшем Панини накладывает ограничения «anadyatāne» и «parokṣe», тем самым соотнося имперфект и перфект преимущественно с планом истории. Описание же недавно свершившихся (чаще всего, на глазах у говорящего) событий представляет собой основное значение форм прошедшего времени плана речи.

Из синтетических форм Панини соотносит с планом речи в первую очередь аорист, утративший это значение уже в эпическом санскрите. Далее, в соответствии с сутрой 3.3.131 для обозначения совершившегося незадолго до момента речи действия могут использоваться формы настоящего времени: «Время, близкое к настоящему, может быть выражено как настоящее». Панини отмечает, что настоящее время и аорист также могут чередоваться при *ответе на вопрос* о прошлом с использованием частиц «na», «nu», «nanu» (3.2.120–121); если же подобное утверждение ответом на вопрос не является, требуется употребить форму аориста. В самих же вопросах Панини допускает возможность использования даже имперфекта и перфекта (3.2.117):

*agacchat*kim sa grāmam «Он ушел в деревню?».

Те же замечания относительно употребления синтетических форм прошедшего времени плана речи мы находим в большинстве современных исследований (См.: Speijer, p. 244, 252–253; Whitney, p. 328–330, Apte, p. 141–145 и др.).

В более поздних текстах синтетические формы в плане речи практически полностью вытесняются аналитическими. Относительно употребления причастий Шпейер отмечает, что «они выражают действия свершившиеся, законченные, безотносительно того, принадлежат ли действия историческому прошлому, или были совершены недавно и не потеряли еще свою актуальность» (Speijer, p. 255), то есть полностью принимают на себя те функции, которые были присущи древнему аористу.

Несмотря на наличие общих принципов функционирования граммем прошедшего времени, в каждом отдельном санскритском тексте можно заметить свои особенности их употребления, на которые влияет не только время написания произведения, но и его жанровая принадлежность и личные пристрастия автора. Именно поэтому для создания полноценной описательной грамматики этого языка требуется проведение анализа как можно большего количества текстов различных жанров и эпох.

Список использованной литературы

Тексты

1. Басни и рассказы (из Хитопадеши и Панчатантры) // В. О. Миллер, О. И. Кнауэр. Руководство к изучению санскрита // Санскрит. СПб., 1999. С. 160–171.

2. The Kathasaritsagara of Somadevabhatta. Bombay, 1915.

3. The Mahabharata. Harivamsa, pt. 1–3. Bombay, 1981.

4. Mahabharata: electronic text © Bhandarkar Oriental Research Institute, Pune, India, 1999.

5. Nala // В. О. Миллер, О. И. Кнауэр. Руководство к изучению санскрита // Санскрит. СПб., 1999. С. 153–159.

1. *Баранников А. П.* Флексия и анализ в новоиндийских языках // Ученые записки ЛГУ, № 98, 1949.

2. *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976.

3. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 2002.

4. *Бондарко А. В.* (ред.) Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

5. *Бюлер Г.* Руководство к элементарному курсу санскритского языка // Санскрит. СПб., 1999. С. 311–468.

6. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 2002.

7. *Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.

8. *Елизаренкова Т. Я.* К вопросу о становлении категории времени в древнеиндийском языке. М., 1960.

9. *Елизаренкова Т. Я.* Языки мира: Индоарийские языки древнего и среднего периодов. М., 2004.

10. *Зализняк А. А.* Грамматический очерк санскрита // Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1996. С. 834–943.

11. *Левина С. Л.* Финитное употребление причастий в языке «Махабхараты» // Краткие сообщения Института народов Азии № 68, 1964. С. 21–28.

12. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

13. *Плунгян В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2003.

14. *Apte V. S.* The student's guide to Sanskrit composition. Poona, 1898.

15. *Collebrooke H. T.* A grammar of the Sanskrit language. Calcutta, 1805.

16. Dikshita Bhattoji. Siddhanta Kaumudi. http://www.rcilts.jnu.ac.in/

17. *Gune J. A.* The meaning of tenses and moods. Pune, 1978.

18. *Keith A. B.* A history of Sanskrit literature. London, 1961.

19. *Kielhorn F.* A grammar of the Sanskrit language. Bombay, 1870.

20. *Kielhorn F.* A Kātyayana and Patanjali. Their relation to each other and to Pānini. Bombay, 1876.

21. *Kiparsky P.* On the Architecture of Panini's Grammar. http://www.stanford.edu/∼kiparsky/

22. *Panini.* Ashtadhyaya. http://www.rcilts.jnu.ac.in/

23. *Speijer J. S.* Sanskrit syntax. Leiden, 1886.

24. *Whitney W. D.* Sanskrit grammar. Delhi, 1969.

25. *Wilkins Ch.* A grammar of the Sanskrita language. London, 1808.

26. *Yates W. A.* A grammar of the Sanskrit language. Calcutta, 1820.